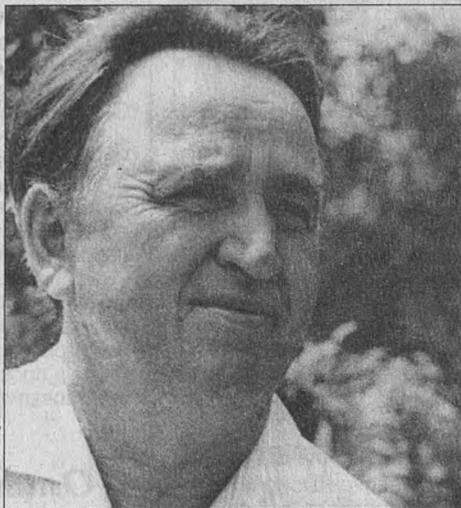

Воскресная Москва, -1997-23 ген. -сб

Дом у дороги

Его не надо представлять читателям: Виктора Бокова знают и любят миллионы людей. И за «Оренбургский пуховый платок», и за моряка, что на побывку едет, и за «Моторочку-моторку».

на твоих глазах, не обретая еще ни статуса, ни знака, а являясь только волшебным сочетанием звуков, исторгнутых самыми сокровенными струнами души...

Слушаю, боясь шелохнуться, а он читает и читает. И я забываю, что ему уже за восемьдесят - так молод, так порывист и дерзок он в эти минуты...

Прощаясь у калитки, спросил Бокова, давно ли печатался он в «Вечерке».

- По-моему, никогда, - ответил Виктор Федорович.

Вот тут и решил я стать почтальоном. Мы вернулись в дом, он собрал только что читанные страницы, и я бережно уложил их в свою котомку.

Алексей ПЬЯНОВ
Фото Александра КАРЗАНОВА

Скажу — Россия — и порой заплачу.
Да, что с тобой? Утри свою слезу.
Не в тишине свиданье ей назначу.
Мы окунемся в ливень и грозу.

Скажу — Россия — и волна чудская
Плеснет и вспомнит рыцарей на льду.
И силушка народная, людская
Уверенно вздохнет:

— Не пропаду!

Скажу — Россия — вздрогнет лес кудрявый
И опохнет дыханием своим.
И заплетут могучие дубравы,
И скажут:

— За Россию постоим!
И вы и мы и каждое селенье
Все дружно встанем,

как один.
Россия! Ты держи свое равнение
На силу русских пашен и равнин!

***
Припоминаю тридцатые.
Жизнь была отрицательная!
Все дорого, ничего нет,
Кроме вывески:

«Сельсовет».
За ситцем — давка,
За селедкой — очередь.
Жизнь на стол ставит
горькие чаши,

И прочие, прочие, прочие
Трудности наши.
Был я токарем,
точил металл,
Стружка вилась и я мечтал.

О том, что буду поэтом
российским,
Думал правильно,
по-марксистски.
Много позже я стал
уклонист,
Уклон мой в том,
что я сердцем чист!
Как рожь налитая,
к земле клонюсь
И ничегошеньки не боюсь!

***
Ромашки, василек
и валерьяна!

Я не пастух,
Но подымаюсь рано,
Иду, трублю
В свой поэтический рожок.
Мне иволга тотчас же
подпеваает,
Вдруг руку я крапивою
ожог,

Да с кем такого не бывает!
Лопух, как богатырь
лугов,

Горит татарник рядом
огнеликий,
Природа мне дает урок
великий,
У корабельных сосен
и стогов!

Еще одна трава!
Название — сныть,
Растет у туристической
палатки.

Кто может мне Россию
объяснить
И разгадать ее загадки?!
Я — Боков!

Я с ботаникой дружу.
Как шмель над иван-чаем
покружу.
Мне нравится его красивый
конус,
Я до всего своей рукой
дотронусь!

***
В России цветы называют
Иванами, Марьями,
Скопление сосен в России
зовется — боры.
Как нежно березы купаются
в зареве,
И сказочно катятся санки
с горы.

В России в садах
наливается соком
антоновка,
Темнеет от мудрости вещей
в полях конопель.

Я после твоих поцелуев
не в силах опомниться,
Во мне еще стонет твоя
голубая метель.

Россия! Я рад, что ты
выглядишь молодо,
Прильнули к садам
и дворцы и дома.

Краса городов у тебя
называется Вологда,
А где-то поблизости светит
сестра Кострома.

Россия! Тебе не увянуть
от старости,
Пленительно нежен твой
луг и твой первый прокос.

Мужские рубашки
распахнуты яростно,
А белые женские платья,
Как ландыши в купах берез.
Россия! Мне речь твоя
слышится всюду,
Она, как колесная песня
дорог.

Не место в России
словесному блюду,
От этого Пушкин тебя
уберег!

Перedelкино, 1997